

18+

Сергей Алексеевич Решетников

ИРКУТСКАЯ САГА
Воспоминания о прожитом
ТОМ I

Сергей Решетников

**Иркутская сага. Воспоминания
о прожитом. Том 1**

«Издательские решения»

Решетников С. А.

Иркутская сага. Воспоминания о прожитом. Том 1 /
С. А. Решетников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933413-8

Эта книга о двух эпохах — СССР и новой России. О жизни в Иркутске — столице Восточной Сибири и Усть-Илимске — городе трёх Всесоюзных ударных комсомольских строек. О людях и водоворотах судьбы, в которые попадали герои повествования. О больших и малых неудачах. О победах, которые были нелегкими, а потому и очень важными. О любви, семье, родителях, детях и внуках. О том, что наша жизнь прекрасна и удивительна. Изучайте историю Родины по конкретным судьбам людей, о которых повествуется в этой книге Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-933413-8

© Решетников С. А.
© Издательские решения

Содержание

Иркутская сага	6
Повествование в шести томах	6
Том 1	7
Вступление	8
От автора	9
Жил-был Сергей	16
Память	17
Мои мысли о маме	20
Размышления о старости	24
За несколько дней перед такой неожиданной и ожидаемой смертью мамы	27
Колыбельная для прабабушки	33
Надо помнить свою семейную историю	36
Жизнь продолжается	40
Улица «Железка» – мой родной двор	56
Первый урок хулиганства и мужества	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Иркутская сага

Воспоминания о прожитом. Том 1

Сергей Алексеевич Решетников

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

Редактор Светлана Булкина

© Сергей Алексеевич Решетников, 2024

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4493-3413-8 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-3414-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Иркутская сага
Воспоминания о прожитом

Повествование в шести томах

Том 1

Вступление

Для современного молодого человека, воспитанного на постулатах капиталистической рыночной экономики, главным «божеством» являются ДЕНЬГИ. Золотой теленок стоит во главе угла всех жизненных устремлений.

– Прости, ничего личного – это бизнес, – с улыбкой могут сказать обманутому деловому партнеру.

Миролюбие, честь, совесть, справедливость, взаимная выручка и поддержка ушли на второй или третий план. А порою стали просто забытыми понятиями.

Деньги стали целью. А они являлись ранее просто инструментом для достижения счастливой жизни.

Наше же поколение воспитывалось совсем на иных принципах: защитить слабого, накормить голодного, спасти утопающего. Мы были за мир во всем мире, за счастливое будущее человечества. Это было нашей главной целью.

Ныне Цель была заменена на Инструмент, и все во многом перевернулось с ног на голову...

О том, как мы жили, написано в этом сборнике.

От автора

«Вся жизнь – игра, а люди в ней – актеры» – говорил в своем монологе Жак – герой великого Вильяма Шекспира (1564—1616) из комедии «Как вам это понравится». «Что наша жизнь? Игра!» – вторил ему А. С. Пушкин (1799—1837) устами своего героя Германа из знаменитой повести «Пиковая дама»:

Добро и зло – одни мечты!
Труд, честность – сказки для бабья.
Кто прав, кто счастлив здесь, друзья?
Сегодня ты, а завтра я!

Еще раньше Гай Петроний (14—66 гг.), древнеримский писатель времен Нерона, его еще называли Арбитром изяществ, автор приключенческого романа «Сатирикон», написанного прозой с включением великолепных стихотворных форм в стиле менипповой сатиры, сказал «*Mundus universus exercet histrioniam*», что в переводе с латинского означает «Все люди в мире занимаются лицедейством». Эта фраза украшала фронтон здания, где располагался легендарный шекспировский театр «Глобус» (Великобритания). Спорить с этими изречениями не буду, да и зачем, когда я эти доводы проверил, и не один раз, в реалиях своего бытия, прожив уже немалую часть жизни. Передо мною прошли две эпохи: СССР и новая Россия. Вернее, не просто прошли – я в них жил, и они были фундаментом моей не очень простой, но очень счастливой жизни. Хотя и пришлось испытать разные серьезные, больше и малые неурядицы и трудности. Правда, я никогда не лицедействовал, не притворялся и не кривил душой, стремясь жить по совести.

Но, именно тот фундаментальный шекспировский смысл, закладывался мною в изображение на обложке этой книги. И этот замысел, как мне кажется, был успешно реализован волшебными художниками замечательной электронной интернет-издательской платформы «Ridero», где в дальнейшем я самостоятельно, без посторонней помощи, сверстал свою книгу.

Продолжу размышлять: «Каков смысл жизни человека?» Из древней притчи следует: «Построить дом, посадить дерево, воспитать сына». Это выражение несет в себе глубокий смысл. Считается, что дом нужно строить на фундаменте из двенадцати кирпичей, дерево сажать только в пригодную почву. Достойный сын вырастет, если его мать и отец сами были достойными людьми, любящими свое дитя, а не оценивающими его. А двенадцать кирпичей символизируют такое свойство человеческого характера как БЛАГОРОДСТВО. Двенадцать букв и двенадцать добродетелей заключает в себе это слово: твердая воля, крепкая вера, честность, доброта, свобода от низменного, чувство справедливости, готовность помочь нуждающемуся, умение отвечать за свои слова и дела, сопереживание, отказ от осуждения, умение прощать и уважение старших. Да, непростая формула получилась!

Если таков будет фундамент, то крепко будет стоять и дом сердечный. А дерево – это род ваш, который сын продолжать будет. Учи его искать достойную землю, достойную женщину, и тогда дерево Рода вашего никогда не завянет, а корни его будут крепчать. И речь тут идет не о земном доме, а о том, что в душе каждого. Оказывается, все не так-то просто!

Но я бы добавил к этим словам, еще нужно написать книгу. Чтобы твои потомки могли прочитать о мыслях твоих и делах. Чтоб твой след в этом корне Родового дерева не пропал, не затерялся, не забылся и не стерся со временем, с годами.

Вспомнилось мне, как в период «развитого социализма» я, говоря современным языком, прикалывался при знакомстве. В дружеских компаниях, переходя от одного к другому неизвестному мне ранее человеку, представлялся:

– Здравствуйте, Ленин. Здравствуйте, Ленин.

Они ошалело смотрели на меня.

Кто-то робко мог произнести:

– Что, умный, что ли, такой?

А я, пожимая руку последнему гостю, рапортовал:

– Жена у меня Лена. Я Ленин муж.

Все дружно смеялись. Обстановка становилась разряженной и непринужденной. И в КГБ на меня никто не наступал. Хотя в тот период В. И. Ленин был объявлен вождем мирового пролетариата и являлся, по сути, главной идеологической иконой Советского Союза. Его идеи, в том числе о мироустройстве, свободном труде и трудовой дисциплине, равенстве, социальной справедливости, о социальной революции актуальны и сейчас. Особенно при укоренившемся сегодня в России новом классе буржуазии – олигархате и уродливом социальном расслоении людей на небольшую кучку бессовестно разбогатевших и огромную армию всех остальных: средних, бедных и нищих людей – почти как в 1917 году перед Великой Октябрьской революцией.

Я взял себе литературный псевдоним «Сергей Ленин», таких писателей еще не было. Под этим псевдонимом я провел публичную пробу пера и издал несколько своих, разных по объему, работ. Это книги: «21 история о жизни и о любви», «Анютины глазки», «Откровения у костра», «Одиноким мамочкам», «Неутопическое пророчество», «О людях, любви и о войне», «Судьбы людские». Такая возможность представилась, пока ожидал заключительных материалов от архивистов для этой моей главной книги. Тем более что затрат на издание почти никаких, а тираж можешь заказывать от четырех экземпляров до 599 книг. Цены вполне приемлемые.

Другой Сергей Решетников – известный писатель и драматург уже есть на литературном небосклоне России. Это замечательный и самобытный автор. Мы с ним заочно познакомились. Кстати, он Михайлович по отчеству. Сейчас живет в Подмосковье. Сергей присылал мне две свои книги «Реалити-шоу война» и «Голубая моя Москва». Впечатляет!

А я, Сергей Алексеевич Решетников, решил сам написать свой непростой труд, свои книги. Это мои собственные воспоминания об истории семьи, вплетенные в две эпохи жизни нашей Родины. О чем они? Конечно, о жизни. О жизни моей и моих родных и близких людей, о моей генеалогии, о моих далеких родственниках, предках, информацию о которых я почерпнул из разных архивов с помощью специалистов-историков.

Как мне писалось?

Во-первых, начал я писать 12 апреля 2016 года. Изначально, мы собирались это делать с мамой вместе. Готовились. Мама подбирала материалы, систематизировала свои воспоминания, делала пометки на бумаге. У нее ранее уже был написан материал к 60-летию победы в Великой Отечественной войне. На основе этих кратких воспоминаний мы и решили построить свое повествование. Мама торопилась, хотела рассказать что-то вспомнившееся, яркое. Я останавливал ее, не слушал, говорил, что все это она сделает на видеокамеру. Я сделаю фильм, а потом перенесу информацию в книгу. В книгу, которую я первоначально задумывал издать по воспоминаниям моей мамы.

Но мамы не стало 27 апреля 2016 года, когда ей шел девяносто второй год. Это случилось внезапно. Даже месяца не прошло с момента начала нашей совместной творческой работы над книгой. Я остался один с воспоминаниями, с начатой книгой, которую был просто обязан дописать. И я продолжил работать.

Во-вторых, я по своему образованию не писатель, не литератор. «Академиев» по искусству пера и слова не заканчивал. Но буквы-то знаю, умею их соединять в разные слова, из слов конструировать предложения. Что еще надо? Попробую. И сел я за компьютер, мысленно открыв сам себе окно в литературные дали до 5 июня 2016 года, когда исполнится сорок дней,

как моя мама ушла, оставив меня и наш мир. Мой же мир наполнился воспоминаниями, как будто бы ангелы, которые заняты маминым обустройством в раю, обратили внимание на меня, грешного. За этот небольшой промежуток времени я выплеснул материал на две книги, потом написал еще четыре тома. Дал ему вылежаться, ожидая отчета об архивных исследованиях, а сам пробовал перо в вышеназванных книгах. А завершал этот труд уже в 2018 году.

Первый том книги о недавнем времени и обо мне лежит перед тобой. Вторая готовится к изданию – это истории из жизни родных мне людей из прошлого. Третий том редактируется, он об истории из глубины времен о моих близких и родных людях по родословной. Четвертый том уже издан. Он о приключениях молодого пенсионера за шестьдесят, то есть обо мне самом, написанный в жанре хулиганской сказки. Пятый и шестой построены на основе документов из архивных исследований.

Думаю, что время на написание этих работ было потрачено мною не зря. Потомкам будет что почитать, познавая нашу эпоху через судьбы конкретных людей, живших в те времена.

Постепенно при работе над книгами ко мне приходило особое восприятие текста, именно письменной речи. Я начал чувствовать ее мелодику. Это собственное понимание помогло мне поправить некоторые литературные недочеты. Я неожиданно для себя обнаружил, что чувства, лежащие в основе воспоминаний, каким-то причудливым и непостижимым образом сами модулировали слова и фразы, помогая мне писать и наполнять смыслом текст моего повествования.

А зашифрованы эти чувственные эмоции, иначе и быть не может, с помощью всего тридцати трех букв русского алфавита в загадочных кодах – последовательностях слов.

Перечитывая этот текст, я, как будто бы наяву, в своем воображении снова плыл, причем одновременно, в нескольких измерениях: в реальном земном пространстве, в безбрежном океане многообразия чувств и в реке времени. А эти изумрудные водные потоки загадочно искрились и бурлили. И это загадочное путешествие явственно ощущалось и осознавалось мною.

Какая-то магия, а может быть волшебство, по-другому назвать трудно. Как лучик белого света, преломляясь в драгоценном кристалле бриллианта, превращается в радугу из семи основных цветов, которым присущи множества промежуточных разноцветий, так и различные сочетания тридцати трех букв нашего алфавита могли преображаться в бескрайнее разнообразие чувств, от слез до радости, от скорби до восторга, от энергий студеных ледников до жара огнедышащих вулканов.

Думаю, что радуга наших эмоций так же состоит из семи основных чувств: любви, доброты, симпатий, уныния, ревности, зависти и ненависти в их самых разных многоцветиях чувственных производных.

Музыка тоже состоит из семи основных нот. Ее поистине волшебные вибрации могут пробуждать энергии различных световых оттенков. Те, в свою очередь, будут рождать игру невероятной гаммы чувственных эмоций.

Но все же сказочные сочетания тридцати трех букв русского алфавита в облаках нашего подсознания могут вершить настоящие чудеса. Они, пробуждая тонкие музыкальные мелодии, передают их во Вселенную, заставляя космос играть волшебными сияниями световых колебаний. Световые и звуковые волны, модулированные радугой эмоциональных чувств, несут свои энергии в окружающий мир. Наверное, именно эта симфония тонких сказочных энергий от вселенских резонансов воздействует на душу и сознание читателя, вибрируя по законам Создателя Вселенной и замыслу скромного автора литературного произведения.

Необыкновенное для меня открытие!

Маме 90 лет – юбилей

Что-то раньше этого невероятного превращения я не замечал. Может быть, не задумывался о скрытом волшебстве и неизведанных мною ранее таинствах нашего родного русского языка.

Теперь от философских рассуждений вернусь в свое повествование, к моим мыслям и воспоминаниям.

Когда размышляю о маме, я твердо знаю, что моя мама стала для меня и всей моей семьи ангелом-хранителем. Для мамы я всегда был, есть и останусь ребенком, седым ли, лысым, хромым ли, горбатым, но сыночком любимым и любящим. Так устроен наш мир. Так живет большинство добрых людей.

И вот, машина времени понесла мое сознание в путешествие по лабиринтам недавнего и далекого прошлого. Двигателем или энергетической установкой этой машины была моя память. Пилот и штурман перемещали меня в пространстве и времени к определенной точке моей жизни и останавливали чудесную машину. Я выходил, и тут включалось мое сознание.

Оно, сознание, не руководило перемещением, за исключением одного раза, когда я сам отправлял его в период своей ранней юности – ясли и детский сад. Сознание подключалось, чтобы я мог видеть людей, слышать приглушенные звуки и ощущать радость и боль, погружаясь в переживания конкретного отрезка времени.

Кто руководил полетами, я не знаю. Но все, что здесь изложено – это результат моих чудесных или даже волшебных путешествий во времени. Здесь нет вымысла или украшательства. Здесь описано все то, что я действительно пережил. Что было, то было. Я ни на минуту не задумывался о структуре и содержании своего повествования. Все происходило как будто бы само собой, независимо от моего аналитического ума. Но ощущение присутствия при этом было настолько реальным, что я слышал голоса, видел разные детали, лица людей. Лица, которые уже давно забылись и при встрече на улице я бы их не узнал.

Не перестаешь удивляться и восхищаться нашими скрытыми до поры возможностями. Какими безграничными волшебными ресурсами может обладать наше сознание, наш разум!

В том, кому дать почитать свои труды, я не сомневался. Это Валерий Кожушмян, мой друг, председатель союза писателей Приднестровской Республики. Прочитав, он сказал однозначно, тональностью, не допускающей возражений:

– Будем издавать книгу, и все!

С Валерием Ивановичем нас связывала крепкая дружба на Усть-Илимском этапе нашей молодости в восьмидесятые годы прошлого столетия. Когда в 1988 году я остался безработным, после ухода с работы из Усть-Илимского горкома ВЛКСМ, он принес мне ключи от своей днестровской квартиры и сказал:

– Поезжай, Серега, ко мне, в Молдавию, в мой родной город Днестровск, живи, сколько пожелаешь. Там тепло, там фрукты. Залечи свои раны. Ты же у меня уже бывал.

Я был ему благодарен за то, что он такой замечательный парень, но восстанавливаться предпочел у себя в северном крае.

Прошло много-много лет. Многих друзей уже нет среди нас на этом свете. Валера в начале девяностых годов уехал к себе на родину. А в 1991 году в Советском Союзе произошла революция. Великая держава распалась на осколки. Наша с ним связь как-то сама собой оборвалась. Уже нет Советского Союза, куда раньше входила Молдавия. Да и само Приднестровье через кровопролитие, в борьбе приобрело статус независимой республики. Номер его домашнего телефона и почтовый адрес при моем переезде из Усть-Илимска в Иркутск были утрачены. Других доступных средств коммуникации тогда еще не существовало. Об интернете, как теперь, мы и не мечтали.

Но совсем недавно я узнал, что Валерий жив, для меня он как бы воскрес. Моя дочь Оля нашла его свежие фотографии в социальной сети «Одноклассники». Из давнишней информации, которую я узнал на праздновании юбилея газеты «Лесохимик Усть-Илима» следовало, что Валера не справился с тяжелой болезнью и ушел из жизни в расцвете сил. Раньше Валерий был редактором этой многотиражки. Я на этом праздновании оказался случайно, будучи в начале двухтысячных годов в Усть-Илимске в гостях у своего друга Саша Киреева.

Радости моей не было предела. Интернет, Скайп, и, вот, Валера Кожушмян сидит напротив меня. Мы говорили с Валеркой, а у меня из глаз бежали слезы, слезы радости. Нет Советского Союза, мы живем в разных странах, но живем! Как хорошо, что мы снова встретились и можем общаться, пусть и на расстоянии.

Советы журналиста и писателя, Валерия Ивановича, обладающего высшим журналистским образованием самого престижного вуза СССР – Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ), поддерживали меня, помогали отредактировать отдельные части моего первого серьезного писательского труда. Для меня это очень важно.

Я не очень многословен и в каждое предложение старался вкладывать смысл. В своем воображении я перелетал из детства в зрелые годы и потом в обратном порядке – так носила меня машина времени. Эпизоды из глубокого прошлого и совсем недавних событий органично объединяла, как мне казалось, золотая нить времени.

Я дрался на улице в борьбе за справедливость, достаточно много страниц я уделил описанию этих событий становления характера, получал уроки ответственности за свои поступки, уроки дружбы, начиная с яслей и детского сада.

В молодости я работал в ударном ритме на Усть-Илимской земле, закалялся духом, радовался и получал удовлетворение от результатов своего труда, допускал промахи, терпел неудачи и «набивал шишки на лбу». В зрелом возрасте в Иркутске, занимаясь антикризисным управлением, мне приходилось противостоять расхитителям при банкротстве.

На всех этапах сознательной жизни мне довелось вести борьбу с встречающимися на пути разными недобросовестными людьми, чиновниками, представителями правоохранительных структур и другой нечистью. Но хороших людей было намного больше. Общение с ними и доставляло радость.

С особым вниманием я раскрывал воспоминания моей мамы. Прикоснулся к истории своего происхождения, истории своего рода. За небольшой промежуток времени я написал еще четыре тома книги «Иркутская сага». Всего получилось шесть томов.

Несколько слов о моем происхождении.

По мужской отцовской линии я родом из потомственных крестьян и рабочих Решетниковых Вятской губернии (ныне Кировская область), которые в начале двадцатого века дали стране плеяду замечательных врачей. По женской линии отца мои предки были потомственными православными священниками и достойными представителями вятского духовенства из старинного рода Ситниковых—Фаворских, уходящего в глубину веков. В начале двадцатого века Фаворские дали Петербургу и всей стране замечательных врачей, светил науки.

По материнской линии мужская ветвь происходила из крепких зажиточных крестьян Нетупских с берегов Байкала, из Кабанска (Бурятская республика). На заре советской власти их раскулачили, подвергли жестким репрессиям, а спустя годы реабилитировали. Откуда мой прадед Яков приехал в Сибирь, выяснить не удалось. Во время репрессий все документы куда-то сгинули. Котковы по женской линии мамы были крестьянами из Симбирской губернии (Ульяновская область). О них всех во втором, третьем, пятом и шестом томе книге.

Самые теплые слова благодарности мне хочется сказать историкам-исследователям: Галине Соколовой из Казани, Сергею Шишкину и Дмитрию Казакову из Вятки, Андрею Пупышеву из Ульяновска. Без их помощи мне бы не удалось написать о моих глубоких корнях, происходящих из Вятской и Симбирской земель. А еще хочется сказать слова признательности редактору Светлане Булкиной. Она внимательно и скрупулезно вычитывала текст. Потом, чтобы текст был лучше, мы вместе с ней несколько часов правили неловкости и литературные шероховатости в моем повествовании.

Это воспоминания о прошлом, а что же предстоит в будущем? Такую тему в повествовании я не освещал. Что будет, твердо сказать не могу. Сценарии развития событий в будущем закладываются уже сейчас, и будущее может меняться в зависимости от наших сегодняшних устремлений.

Однако, попробую предсказать.

Дочь Ольга подарила мне двух внуков. У моего старшего внука Алексея Шевченко, думаю, все будет хорошо. Он сейчас студент третьего курса Нархоза. Так по старинке мы называем его университет. Он получает Ленинскую стипендию. Это не та, которую получали лучшие студенты во времена социализма. Это те денежки, которые ему выдает баба Лена, поскольку он учится не за счет бюджета, а на коммерческой, т.е. платной основе. Это я получал в свое время стипендию, государство тогда заботилось обо всех студентах без исключения. Зато он ездит на своей машине Hyundai Elantra (я же обзавелся машиной только в зрелом возрасте). Вижу у него в будущем двух детей, мальчика и девочку. Знаю их имена, но раскрывать не буду. Алеше, возможно, предстоит испытать горечь от недооценки важности бережного отношения к сегодняшним близким. Как говорится, имеешь – не ценишь, потеряешь – плачешь. Лучше это понять сейчас.

У младшего внука Сергея тоже все будет хорошо. Он по своей природе склонен по-военному к точности, а также обладает литературными задатками писателя. Еще он юморист, каратист и гитарист. У него вижу четверых детей. Три сыночка и лапочка-дочка. Эти парни будут моими продолжателями фамилии. Серега сам захотел взять мою фамилию Решетников, он по отцу был Шевченко. Независимо от фамилии я люблю своих внуков одинаково крепко. Сереже, думаю, предстоит испытать горечь разочарования в некоторых друзьях или деловых партнерах. Нельзя считать, что твои друзья думают так же, как и ты. Для кого-то украсть и нагадить – такая же норма, как, например, для тебя – «один за всех, все за одного». Кому-то от природы даны совесть и совестливость, порядочность, а кто-то этими качествами обделен в силу воспитания. Такое было всегда и везде – некое природное равновесие темных и светлых сил.

Мои внуки по жизни окружены любовью, заботой и вниманием. Когда они сошьют свои гнезда, такая же атмосфера будет окружать их детей в их семьях. В них будет любовь и доброта, как это было всегда на протяжении всей жизни в моей семье. Так должно быть, и к этому надо стремиться всегда.

Их мама Оля, посвятившая свою молодость, свою жизнь сыновьям, обретет женское счастье. Она встретит хорошего мужчину. Надеюсь, что у нее будет заботливый и любящий муж, с которым они вместе будут идти по жизни и стареть.

Жизнь идет, и она прекрасна. Теперь, давайте, вернемся из будущего, куда я вас только что погрузил, и помчимся «вперед», в прошлое, в мои воспоминания. А писал я, как мне кажется, чувствами и о чувствах. Как уж получилось, не знаю, не мне судить об этом. Я не профессионал, поэтому, может быть, моя литературная малограмотность будет милым дополнением к моей искренности в этом повествовании.

Жил-был Сергей

Одна из версий происхождения моей фамилии Решетников связана с определенным поведением или характеристиками личности. Это относится к тем, кто обладал решительностью, строгостью или был хорошим организатором.

Свое повествование посвящаю двум моим самым любимым женщинам: маме Надежде Решетниковой и супруге Елене Решетниковой, с которыми я шагал по жизни, делил все радости и горе. А пишу я для моих дорогих потомков из последующих поколений.

Этот том писался с 12 апреля по 5 июня 2016 года, дописывался, иллюстрировался и редактировался летом 2018 года.

Память

Наверное, у многих людей желание больше узнать о своих корнях возникает с возрастом, когда уже значительная часть жизни позади. Иногда бывает уже поздно, старики ушли, и спрашивать не у кого. Отчасти, так случилось и со мной. На тот момент благо была жива моя мама – Надежда Савватеевна Решетникова. У нее был небольшой архив: переписка, документы двух поколений. Знакомясь с этими пожелтевшими от времени бумагами, я погружался в прошлое. На некоторые вопросы находил ответы в этих старых источниках, уточнения получал у мамы. Ей был 91 год от роду, но она обладала ясной памятью, и многое четко запечатлелось в ее сознании. Кроме того, десять лет назад она написала воспоминания, на которые я буду опираться в своем изложении. Но 27 апреля 2016 года, в предпасхальную неделю, мамы не стало.

При жизни самым страшным для нее было ощутить себя обузой. Она была полностью самостоятельной, в своем возрасте в квартире поддерживала чистоту и порядок, никого о помощи никогда не просила и не грузила своими проблемами. Ушла быстро, никого не обременяя. Обширный инфаркт миокарда вырвал ее из жизни, хотя для своего возраста она была в прекрасной форме. Некоторые более молодые бабушки завидовали моей маме, не скрывая этого обстоятельства.

У нас с ней было много планов. Была подготовлена компактная видеокамера. В майские праздники, когда уже должно было потеплеть, мы собирались снимать любительский фильм о ее и моей жизни. Она серьезно готовилась, продумывала содержательную часть, имела свои предложения по сценарию. Но не случилось... Обидно и горько, но это повторение во втором поколении: не сохранилась запись моего деда Щепина Савватея Захаровича. Когда в 60-х годах прошлого столетия появились магнитофоны, я учился в младших классах школы. Приехав в Ангарск к родственникам, я стал свидетелем записи напутствий и пожеланий потомству. Деду Савватею дали микрофон, продемонстрировали, как это работает. Дед был стар, зубов почти не осталось, и своеобразное произношение делало речь деда еще колоритнее. Он отнесся к этому процессу серьезно, ответственно. Он так всегда относился к делу. Мы переглядывались и втихую похихатывали. Дед говорил для нас, для каждого, от мала до велика, не забыл никого. Давал дельные советы. Вот такая запись мудрых советов была создана то ли в шутку, то ли всерьез. А спустя время, когда деда не стало, начали искать ставшую бесценной запись и – увы! В те годы был дефицит всего, и магнитной пленки тоже. По неосторожности, или по другой какой причине, кто-то записал поверх речи деда какой-то концерт. Жалко очень, нет слов.

И вот я свою маму не успел записать. Сердце щемит. Больше я не услышу мамин голос. Меня уже никто не спросит: «Как дела, сынок?» Время беспощадно. У меня горе, а солнце продолжает вставать утром, садиться за горизонт, погружая планету в ночную мглу. Влюбленные продолжают, целуясь, прижиматься друг к другу на скамейках в парках и в других укромных местах. «Люди, ау, у меня горе!» – мысленно, изнемогая от душевной боли, кричу я. Но люди спешат по своим делам, суетятся, ругаются, спорят, улыбаются. Алкаши «стреляют» на похмелье. В Сирии идет война с головорезами-террористами. Жизнь не остановилась. Вселенная продолжает свое незримое дыхание. Ветерок разметает горести и радости. Вместо ушедших рождаются новые люди. В памяти появляются новые страницы.

– Прости меня, мама, за все. За то, что я не успел сделать для тебя. За то, что мы не смогли вместе с тобой воплотить в жизнь последнюю нашу задумку. Как мне тяжело, как тяжело!

Понять эту щемящую боль сможет, наверное, лишь тот, кто испытал горечь потери любимой мамы. Мне подумалось, что наши сердца сотканы из частичек сердец родителей, предков, дальних и близких людей из разных эпох. В это полотно вплетается, как кружево, энергетика друзей, подруг, наставников и родственников – тех, с кем ты идешь по жизни. Уход из бытия кого-то из них в той или иной степени опустошает твое сердце. Даже домашние животные,

кошки и собачки, когда-то жившие и живущие сейчас с нами, ставшие членами семьи, оставляют свой след в наших сердцах, а чего уж говорить о людях, близких и родных.

Ангел

Для меня потеря мамы стала тяжелой раной, ожидаемой и неожиданной одновременно. Приглушить горечь утраты мне помогает написание этих строк, которые основаны на воспоминаниях моей мамы, и которые теперь продолжаю я. Отвлекает от горьких мыслей поиск в далеких временах наших родственников, который мы начали с мамой, и я его продолжаю.

И мне кажется, что когда открываешь для себя неизвестных людей – твоих родственников, знакомишься с эпизодами их жизни из прошлого, частички их сердец начинают светиться божественным светом в твоём. А там, далеко, в глубине вселенной, в ином измерении, где живут их души, распространяется тепло твоего сердца, согревающее все вокруг. В этом, быть может, проявляется связь времен. Наша память, как инструмент, как эфир для радиоволн, позволяет соединяться душам живущих с душами давно или недавно ушедших людей.

Тот, кто помнит, тот, кто ищет, вольно или невольно получает просветление. Наверное, начав искать, очень трудно остановиться. Найдя ответы на одни вопросы, начинаешь искать ответы на новые, возникшие, как следствие из найденного.

Наверное, поэтому движение «Бессмертный полк», когда родственники на параде Девятого мая несут портреты своих близких, отдавших свое здоровье и жизни в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны, получило такой широкий отклик в сердцах миллионов. Совсем еще недавно эта акция, впервые организованная в городе Тюмени, была немногочисленной, но сейчас, спустя несколько лет, уже распространилась по всему земному шару, объединив людей, страны и континенты волной памяти и добра.

Мои мысли о маме

О маме и ее воспоминаниях написана целая глава, она приведена в четвертой книге «История моей семьи». Маму я часто буду вспоминать по ходу своего повествования. Здесь я приведу несколько эпизодов, которые многое о ней говорят: о ее характере, ее жизни, о моем отношении к маме.

Мою маму, после рождения внучки Оли, все стали называть баба Надя. Ей было всего пятьдесят, такая молодая бабушка. Многие женщины в этом возрасте хорохорятся: «Какая я вам бабушка, у меня и седины-то почти нет!» «Называйте меня „мама“ или „старшая мама“», – требовали они. Баба Надя – нет, она любила свою внучку, а потом и правнуков. Живо интересовалась их жизнью. Посещала нашу школу №15, концерты и репетиции танцевального ансамбля «Солнышко», где занимались ее правнуки. Болела за пацанов на соревнованиях по каратэ, сильно переживала, когда «мордобой» был особенно жестким, поэтому на такие соревнования мы старались ее не брать.

У моей мамы был очень добрый и бесконфликтный характер с одной стороны, и твердый и железный – с другой. Пережить столько страданий, выпавших на ее долю, и сохранить жизнелюбие и жизнелюбие сможет не каждый.

Мама с Малышом на прогулке

С чувством ноющей боли вспоминаю, как умирал ее любимец Малыш – пес, который прожил у мамы почти 19 лет. Когда-то, заходя в свой подъезд, она услышала слабый писк живых существ. Кто-то закрыл в подвале пять или шесть щенят дворняжки и оставил их там умирать. Мама пошла, взяла ключ, открыла дверь в подвал и принесла к себе домой весь этот собачий выводок. Вскармливала из сосочки, готовила для маленьких живых комочков специальную еду, мыла, убирала, подтирала за ними пол. Выходила всех и потом раздала подросших и окрепших щенят в добрые руки. Одного оставила себе, жалко было отдавать самого маленького и слабенького.

Постепенно из него вырос крепкий, озорной щенок. Экстерьером он не удался. Был маленького роста, с короткими сильными лапами, тело длинное и неуклюжее, цветом черный, как смола. Зато преданнее и вернее друга найти было просто невозможно. Он был искренне благодарен за спасенную жизнь, за тепло, уют, заботу и дружбу. Думаю, своим собачим умом он это понимал.

Если один человек бросил его с братишками и сестренками умирать, то баба Надя явилась для него спасителем и самым близким другом на всю жизнь. Они так и жили душа в душу – одинокая в повседневной жизни бабушка и пес-дворняга.

Я с мамой и Мальшом

Мальш, такое имя ему дала мама, жил даже по собачьим меркам очень долго. И вот пришло время старости. Он уже не мог ходить, ел плохо. Мучился, лежал и ждал своей смерти, а она все никак не приходила. Однажды я приехал к маме и вызвал ветеринарную службу, чтобы прекратить мучения пса и усыпить его вечным сном – благо, сейчас есть хорошие препараты и специалисты: заплатил, и все дела, и усыпят, и похоронят.

Но когда приехал «усыпитель-киллер», Малыш из последних сил оцетинился. Начал хрипловато гавкать и в устрашающем порыве разевать уже беззубую пасть – норовил укусить. Почувствовав смерть, он не захотел умирать. Он все понимал.

Сердце мое обливалось кровью, хотя я не сентиментальный, а достаточно твердый характером мужик, но не сумел выполнить просьбу ветеринара и поддержать собаку для введения инъекции. Я прошел на кухню, открыл форточку и нервно курил сигареты одну за другой. В моем сознании пробегали веселые и трогательные сцены и эпизоды счастливой жизни и взаимной заботы мамы и Малыша друг о друге.

Из глаз моих текли слезы, и я ничего не мог с собой сделать. А мама смогла. Она подошла, положила руки на Малыша. Он как будто бы ждал этого, расслабился и «киллер» сделал укол. Малыш судорожно вздохнул в последний раз, описался и, благодарный за избавление от мучений, ушел в мир иной.

Затем мы с ветеринаром вытащили тело собаки в стоящую внизу машину. Я вернулся в квартиру к маме. Мы посидели, помолчали, не было слов для разговора, и я поехал домой к своей семье. А мама осталась одна, наедине со своими переживаниями.

Потом мама много времени уделяла бродячим собакам, подкармливала их, шила матрасики для собачьих мамочек и их выводков. Познакомилась и подружилась с Ниной Орловой, которая тоже по причине своей сердобольности заботилась о бездомных животных и много времени уделяла им.

Мама с подругой Валентиной Журавлевой на ее 90-летию

Мама говорила мне и всем своим подругам, что считает себя счастливой, потому что у нее есть заботливый сын, невестка, внучка с правнуками. Другие бабушки-подружки за нее были рады, некоторые сильно завидовали. Ведь многие остались в одиночестве, и их заботами и переживаниями уже никто не интересовался. Даже капельки сопереживания, лучика сочувствия было бы достаточно, но некому было сопереживать и сочувствовать. Жаловались друг другу в нечастых телефонных разговорах. А мама говорила, что она счастливая.

Размышления о старости

Как-то на своей машине подвожу маму к железнодорожной поликлинике в Глазково. Выходит она из новенького огромного серебристого джипа, а навстречу семенит бабулечка – подруга детства. Идет, прихрамывает, понуро смотря в землю. Встретились взглядами, поздоровались.

Бабушка спрашивает:

– А ты откуда это, Надюша, взялась?

– Да вот, сын привез в поликлинику, анализы надо сдать. Он меня всегда подвозит, одну не отпускает, – сказала мама.

Бабушка-подружка обвела взглядом машину, бабу Надю, горько так вздохнула. И ничего не сказав, как-то сердито и судорожно передвигая ноги, поковыляла прочь.

– Что случилось? – спросил я у мамы.

– Были у этой бабушки муж и сын. Были они начальниками. Умерли несколько лет назад один за другим. Ее внучка воюет с правнучкой по квартирному вопросу. Обе хотят быть прописаны у бабушки, чтобы впоследствии вступить в права наследования на жилье. А бабушка никому не нужна. Была когда-то депутатом, сидела в президиумах, проводила проверки, заседания жилищной комиссии, а сейчас ее проводить в больницу и обратно некому. Вот так бывает. Был человек заслуженный, уважаемый в обществе, а сейчас остался со своими болезнями и проблемами в одиночестве, – пояснила мне мама.

Танцуем с мамой на моем 50-летию 19.04.2004

Как же это страшно, но бабушки стойко переживали и такое. Пережили же ужасную войну, разруху и голод. Восстановили народное хозяйство, подняли детей, помогли растить внуков.

Мы ездили с мамой в гости к кому-то из подруг ее детства, было это редко, но запомнилось и врезалось в память. Как же они были благодарны такому вниманию. Как они хвалили меня за такую, казалось бы, мелочь, но событие вселенского масштаба для них, бабушек, лежащих в постели и справляющих нужду под себя. Они долго и живо разговаривали. Вспоминали

разные события из жизни. Я не прислушивался, это был их девичий разговор – они возвращались в свою юность.

Через некоторое время мама звонила, чтобы справиться о здоровье. Но телефон подруги уже не отвечал... Уходили старики тихо, без шума, и на прощание с ними мало кто приходил. Многие не знали, а кто-то сам еле волочили ноги. Провожали своих друзей и подруг грустью и скупыми слезами, запивая тоску по ранешней активной жизни корвалолом.

Нельзя забывать стариков, и не потому, что сам можешь оказаться в подобной ситуации, а потому что они являются частичкой мира, частичкой духовной природы, в которой мы все живем. Если ты запускаешь в свое сердце черного червя забвения, то задумайся, что ты передашь своим детям и внукам. Как им придется жить с таким наследием в сердце? Подумай...

За несколько дней перед такой неожиданной и ожидаемой смертью мамы

Накануне я купил маме лекарство от тахикардии. Она начала жаловаться на аритмию, учащенное сердцебиение, скачки артериального давления. За этими параметрами и содержанием сахара в крови она следила сама, регулярно.

Мы съездили в ведомственную железнодорожную поликлинику, проконсультировались у врачей. Совсем недавно делали кардиограмму, она была хорошей. Беспокойства у врачей не было. Вообще, мама внимательно следила за своим здоровьем, а я ей в этом помогал как лекарствами, так и транспортом. Не разрешал ей самостоятельно ездить по больницам. Если был занят сам, то меня подменяла дочь Оля на своей машине.

Очень маме нравилась моя давняя подруга – доктор Елена Геннадиевна Асанцева. Успешно практикуя, на моих глазах она превратилась из хорошего доктора в просто волшебницу. Она тоже любила мою маму и при необходимости всегда приходила на помощь, приезжала на дом. Мама каждый раз интересовалась сыном Елены Геннадьевны Антоном. Он пошел по стопам своей матери, думаю, будет светилом в нейрохирургии.

Мама у доктора Елены Геннадьевны Асанцевой, ее встречает спаниель Лэнд и гигант алабай-гобит Федор

Все медицинские предписания мы с мамой выполняли. А состояние мамы ухудшалось, началась бессонница. Может, погода менялась, и скакало атмосферное давление. Может, мама понервничала, затеяв побелку потолка на кухне. Я отговаривал, а она перетаскала вещи в большую комнату, чтобы освободить доступ работникам. Она была целеустремленным человеком.

Когда я к ней пришел 23 апреля 2016 года, она пошла за кое-какими бумагами в большую комнату. Хотела показать мне квитанции об оплате за жилье и коммунальные услуги. Она

много времени тратила на изучение счетов, анализировала данные, делала вырезки из газет о льготах для ветеранов с разными комментариями экономистов. Потом рассказывала мне о том, что правительство заботится о стариках. В ответ я улыбался.

Убедив маму в целесообразности такого шага, я перевел ее квартплату на автоматическое списание платежей с моей пенсионной пластиковой карты. А за газ не было реквизитов договора, вот она и пошла за ними. Своевременность оплаты для нее была жизненной необходимостью. У нее все документы были аккуратно разложены, систематизированы.

Вдруг слышу грохот: она упала, запнувшись о коробку с обувью, которую неловко поставила, перегородив проход. Быстро подбегаю, смотрю, о ужас, правое плечо серьезно повреждено. Деформация руки, перелом со смещением кости. Как же это должно быть больно! Но сознания мама не теряла, боль переносила стойко.

«Какой же крепкий она человек», – снова подумал я.

«Зачем я пришел сегодня, зачем?» – ругал я себя.

День рождения 19.01.2016, маме исполнился 91 год

Потом понял, что все равно, рано или поздно, она бы упала – проход загроможден. А если бы меня не было, лежала бы беспомощно одна на полу, как в прошлый раз, когда ломала левую руку.

Скорая медицинская помощь приехала почти сразу. Нас оперативно отвезли и внимательно приняли в травматологии Третьей Кировской больницы. Оказали помощь квалифицированно и в полном объеме. Там врачи – волшебники.

Мы с мамой уже имели опыт общения с этими врачами. Пару лет назад там полностью вылечили сложный перелом ее левой руки. Тогда она упала со стремянки, вешая шторы. Хотела, чтобы когда сын придет, было красиво. Хотя я сказал, что шторы повешу сам, и категорически не велел ей лазить на высоту.

Не послушалась. Вот такой мама беспокойный человек.

С правнуками Алексеем и Сергеем 19.01.2016

На следующий день, 24 апреля, в воскресенье, приходим с Олей к ней на третий этаж Третьей Кировской больницы. Мама сидела на стульчике, ждала нас у входа. Глаза улыбаются, вся такая румяная, полная жизненных сил. Я был удивлен ее состоянием и еще сказал, что если бы не знал о тяжелом переломе, мог бы подумать об отдыхающей в санатории цветущей женщине, которую мы пришли навестить.

Вместе посмеялись.

25 апреля мы с правнуком Сережей при посещении уже были обеспокоены. Баба Надя принимала капельницу от боли в сердце. Мы с ней поболтали, она сказала, что сердце отпустило. Мы тепло попрощались.

26 апреля я улетел в московскую командировку.

А в ночь на 27 апреля медики перевезли маму с обширным инфарктом миокарда в отделение кардиологии на улицу Восьмую Советскую в городскую больницу. Но врачи оказались бессильны. Мама умерла. Наверное, еще до падения и попадания в больницу, начал «заканчиваться бензин». Жизнь подошла к концу. Мама меня об этом предупредила еще тогда, дома, до приезда скорой. Когда она об этом говорила, глаза ее были спокойные. Грусти или печали я в них не увидел. Она была, как всегда, спокойной.

Но умирать она не хотела. Когда собирали вещи в больницу, мама настойчиво просила меня, чтобы не забыл косметичку с помадой и щипчиками. А в больницу по ее просьбе я привез красивую ночную рубашку, которую ей подарила невестка Лена, и цветастый халат. Маме хотелось быть красивой.

А 27 апреля 2016 года я шел на совещание в Москве и уже знал, что живой больше маму не увижу. Дочь Оля сообщила мне эту горькую новость. Мое состояние было подавленным. Но я собрался, по работе выступал на совещании, обсуждали организационные проблемы. Мои предложения слушали внимательно. А после я, как в тумане, поехал в аэропорт.

В тот вечер я шесть часов просидел в Шереметьево, хотелось побыть одному, и в ожидании самолета я погрузился в самого себя. В сознании прокручивались картины моей жизни. Я видел маму молодой. Видел разные наши маленькие и большие семейные праздники.

Видел унылый социалистический быт, которому мы искренне радовались. Видел, как по ночам на кухне мама крутила ручку незамысловатого механического арифмометра «Феликс», составляя строительные сметы. Нужно было прокормить семью, состоящую из нее и двоих детей: меня и моей сестренки Гали.

Я видел ее глаза, ее переживания, когда меня забирали в милицию за драки при установлении справедливости на улице. Видел ее искрящийся счастьем волшебный взгляд, когда она общалась со своими шустрými правнуками: Алешей и Сережей...

28 апреля утром я уже был дома. Мой внук Сережа, у которого с прабабушкой была наиболее сильная энергетическая связь, чувствовал себя неважно. Хотя он сильный, здоровый, спортсмен, но смерть прабабушки переживал очень тяжело. Несколько дней, пока не прошли похороны, сидел дома и не ходил ни в школу, ни к друзьям. Пошел только на проводы своей любимой прабабушки Нади. Это была первая утрата, которую ему довелось испытать в своей жизни.

Моя супруга Лена и дочь Оля решили все организационные и финансовые вопросы, связанные с похоронами. Огромное спасибо им за это. Боюсь, что я бы не смог это сделать. У меня щемило и болело сердце, да и голова соображала плохо. Я был выбит из колеи, подавлен: лежал, спал, короче, был в тяжелом состоянии. Ведь я думал и мечтал, что мама проживет до ста семи лет, что сможет увидеть своих праправнуков. Думал, что долго еще буду видеть ее добрые светло-карие, почти зеленые, красивые глаза, слышать ее спокойный голос. Не сбылось.

Спасибо всем родным, друзьям и знакомым, выразившим соболезнования и поддержавшим меня в эту трудную минуту.

На траурной церемонии был мой старший товарищ – Александр Тимофеевич Гамаюнов. В Усть-Илимске, в период развитого социализма, он был секретарем парткома управления строительства Усть-Илимского ЛПК, членом бюро горкома КПСС, очень важным и значимым руководителем того времени.

Александр Тимофеевич был, пожалуй, единственным человеком, который всегда имел и отстаивал свое мнение на заседаниях бюро горкома КПСС. Наверное, за это его недолюбливали разные местные партийные чиновники и одновременно побаивались. Принципиальность – это тебе не общепринятая соглашательская позиция «одобрямс», которая была присуща многим партийным функционерам.

Видимо, по этой причине ему не дали долго работать и расти по службе на Усть-Илимской площадке, отправив переводом в другой северный район Иркутской области. Он очень принципиальный и высокопорядочный коммунист. Киреев Саша – мой ближайший друг (в прошлом многократный чемпион по боксу, а в те времена – секретарь комитета комсомола стройки СЭВ Усть-Илимского ЛПК) находился тогда под его началом.

Александр Тимофеевич был для меня на этом траурном мероприятии светлой весточкой, теплым лучиком из тех, уже далеких, очень тяжелых и героических времен, когда я и моя

мама были еще молодыми и полными сил. Внимание такого замечательного человека мне очень дорого.

Колыбельная для прабабушки

Спустя некоторое время мой внук Сергей, обычно немногословный, вспоминал, как он маленький укладывал бабу Надю спать, когда она оставалась ночевать в нашем доме. Было это нечасто, потому что она любила ночевать у себя. Так ей было спокойнее. Может она боялась, что в квартиру в ее отсутствие могут залезть воры, хотя воровать-то там особенно было нечего.

Сергея подходил к дивану, где обычно располагалась бабушка на ночлег, брал ее за руку. Бабушка просила рассказать ей сказку. Серега был хорошим рассказчиком, правда, очень конкретным. Сантименты, всякие слезы и прочие поэтические изыски отбрасывал, говорил только по существу сюжета.

Вспоминаю, как Оля учила с Сережей стихотворение:

*Наша Таня громко плачет,
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь
Не утонет в речке мяч.*

Сереза Решетников младший

Он долго не мог понять, чего от него хочет мама.

Потом Оля прибегает ко мне и с гордостью говорит:

– Мы с Серезей выучили стихотворение. Иди, проверь.

Я спускаюсь с третьего этажа нашего дома на первый и прошу, играющего в машинки Серезу рассказать стихотворение.

Он смотрит на меня с упреком, мол, мешаешь играть, неужели тебе не понятно. Конечно, понятно, но я настаивал. Сереза сдался. И давай рассказывать:

– Таня уронила в речку мячик, он не тонет, плакать не надо.

Как четко и лаконично Серега раскрыл тему.

– Молодец, похвалил я Серегу. Тема раскрыта в полном объеме. Все по-военному кратко, четко и предельно понятно.

Мама Оля была в недоумении. Она не того ожидала от сына. А Серега уже все забыл. Он дальше продолжил играть с машинками.

Какие сказки он рассказывал по просьбе бабы Нади, он уже не помнил сам. Но баба Надя тихо засыпала под его плавно текущую речь. Наверное, она чувствовала теплоту – то, чего, возможно, ей так не хватало от своих, занятых проблемами выживания, измученных на работе родителей, когда она была маленькой девочкой. Сейчас она получала это от своего правнука Сережи. Его ровный детский голос струился, обволакивал все ее существо теплом и заботой. Она, наверное, в это время ощущала себя маленькой рыжеволосой девочкой Надей и засыпала крепкими и сладким, как у младенца, сном.

Спи спокойно, моя любимая мама, бабушка и прабабушка, наша дорогая и родная. А те, кто живет, должны продолжать жить. Встречать закаты и рассветы. Радоваться солнцу, первому снегу, весенней капели, облакам в небе. Радоваться всему, что нас окружает.

Вся наша земная жизнь соткана из человеческих взаимоотношений, переплетенных в пространстве и времени.

Теперь начинаю немного глубже понимать историков, а также различные направления загадочной эзотерики – науки о познании истинного предназначения жизни на Земле, ранее изучаемой по книгам Даниила Андреева, Рудольфа Штейнера, Макса Генделя.

Так, может быть, тема генеалогической памяти достойна особого внимания? Может быть, она важна для каждого человека?

Надо помнить свою семейную историю

Мой друг, которого я считаю своим литературным вдохновителем, Валерий Кожушмян, возглавлял в восьмидесятые годы прошлого века у нас в Усть-Илимске газету «Лесохимик Усть-Илима» и литературное объединение «Поиск». Тогда мы и сдружились с ним. Сейчас Валерий Иванович возглавляет Союз писателей Приднестровья. Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) – это небольшая героическая полоска земли непризнанного вот уже более четверти века государства. Она окружена недружественными по идеологическим понятиям государствами Молдовой и Украиной. Находясь в экономической блокаде, люди выживают, надеясь на восстановление прежних отношений с соседями, которые были прерваны, а порой и просто растоптаны противниками русского мира, националистами.

Я там бывал в начале девяностых годов двадцатого века во время становления республики ПМР. Валерий воплощает собой жгучее смешение кровей армянского, молдавского и русского народов. Но по образу своего мышления, по характеру он считает себя русским человеком, таковым и являясь на самом деле.

Именно на таких бесстрашных и равнодушных людях как он и ему подобные и держится этот островок русского мира. Валерий, как никто другой, остро чувствует эту боль, которая разделяет наши народы на некие географические и политические расстояния. Неслучайно этот скромный, равнодушный и удивительно работоспособный и боевой человек награжден орденом «Трудовая Слава», разными медалями за организацию, пропаганду и развитие писательского дела в республике, в том числе и за добросовестный и многолетний труд.

Валерий Иванович Кожушнян

Прочитав мои писательские труды, Валерий Иванович сформулировал, на мой взгляд, совершенно актуальную мысль: «Хватит нам быть Иванами, непомнящими родства. Хватит нам зависеть от необъективных или продажных историков».

Он сказал еще:

– Ты сделал первый и очень серьезный шаг. Надо продолжить. Давай, Сергей, попробуем развернуть движение об истории каждой семьи. Мы же все подхватили акцию «Бессмертный полк».

Над историей Великой Отечественной войны работают разные научно-исследовательские институты, общественные организации. Они способствуют патриотическому воспитанию молодежи. Вместе с тем, поистине всенародно и международно признанной стала яркая патриотическая, со слезами на глазах, акция «Бессмертный полк».

Развивая эту мысль о патриотизме, он еще сказал: «Если каждый постарается углубиться в историю своего рода, это может стать цементом для монолитной и многонациональной конструкции нашей России. Как было бы хорошо организовать такую, понятную всем, акцию, такое движение».

Я с ним полностью согласен. Я бы назвал такое движение «Память моих предков, память Родины» или «Родовая память», а может, как-то иначе, но с этой смысловой нагрузкой.

Надеюсь, в процессе работы мы сумеем выплавить точный по смыслу и по форме слоган. Но возникает вопрос: как визуально и ярко обозначить такое движение? Попробовать, как «Бессмертный полк», выйти на улицы со своим генеалогическим деревом. А если у меня это древо простирается своими корнями аж до шестнадцатого века? Что же мне, этим деревом размахивать? Нет, конечно, тут государственная политика должна быть. А ввести знаки отличия, наподобие орденов, от имени общественного движения, вполне реально. Например, ты знаешь свое родство до четвертого колена – тебе знак четвертой степени. Знаешь до седьмого колена – знак более высокой степени. А если тебе известны родственники до первой ревизии – это когда начали впервые организовано вести учет граждан на Руси – тебе знак высшей степени отличия! Ну это, конечно, рассуждения об атрибутике и не более того.

Акция «Бессмертный полк»

Сергей, Ольга, я, Алексей на акции «Бессмертный полк»

А в своем повествовании я постараюсь доказать, что знать свой род-племя возможно, это вполне реально. Это нужно всем. Если бы я раньше заинтересовался историей своего рода, я бы больше знал о нем, о перенесенных радостях, трудностях, горестях и бедах. Я бы постарался избежать или не допустить повторения ужасного, неразумного, я бы больше любил мою Родину. Наверное, такой предмет, как знание истории своего рода, надо ввести и не формально, а всерьез изучать в школе и в институте. Изучали же ранее научный коммунизм, историю КПСС, диалектический материализм и некоторые другие, малозначачие для реального развития молодого гражданина предметы. Исторические факультеты должны, на мой взгляд, ввести в курс обучения специальность «Генеалогия». А труд специалистов-архивистов и профессионалов-историков по генеалогии должен соответствующим образом тарифицироваться и оплачиваться.

Если молодежь и власть имущие подхватят такой порыв, это может стать без преувеличения национальной идеей. Человек, знающий историю своей улицы, не будет на ней творить всякие непотребные дела и не будет превращать ее в свалку. Он станет блюсти порядок на своей улице, в своем селе, городе, области. И так от малого к большому по всей нашей огромной России.

Жизнь продолжается

Продолжается и мое повествование. Чуть раньше, 12 апреля 2016 года, я находился в Питере. Приехал на день рождения к своему другу молодости Михаилу Молчанову. В подарок привез большую картину замечательных иркутских художников Алексея и Оксаны Яшкиных, написанную по моему замыслу. На ней мы с Мишей изображены на Шаман-камне у истока Ангары из озера Байкал. А из облаков на нас смотрят жены – наши земные ангелы-хранители, находящиеся всегда рядом, всегда готовые защитить своих иногда непутевых мужей.

Поскольку супруга Михаила Алла сильно загрипповала, время празднования дня рождения мы сократили, зато у меня появилось время для поиска моих питерских родственников, находясь непосредственно в Питере. Я смог посетить могилку прежней жены Миши Нины Николаевны, с которой они прожили почти четверть века, умершей пять лет назад. Хотелось поискать могилы моих давно ушедших родственников, с которыми при жизни я никогда не виделся, просто не довелось повстречаться в водовороте дел или по малолетству. А о существовании других я даже не знал.

Михаил Молчанов и я на фоне картины Оксаны Яшкиной

Путешествуя по просторам интернета, я познакомился с публикациями в блоге историка из Казани Галины Соколовой о священнослужителе Вятской губернии Серапионе Андреевиче Фаворском – моем прадеде по женской линии моего отца. И это событие вдохновило меня на поиски и на рассказ о себе и своих корнях для моих потомков.

Родословной своей я занялся недавно, несколько месяцев назад, уже будучи на пенсии. В основном для дочери и моих повзрослевших внуков – Алексея и Сергея. эта потребность возникла как бы сама собой, я как бы почувствовал зов предков в историю рода.

Вспоминаю, как несколько лет назад мне приснился мой дед Алексей Васильевич Решетников. Живем мы в сибирском городе Иркутске рядом с озером Байкал. Здесь же нашли свое последнее пристанище и мои близкие родственники Решетниковы: отец, дед, бабушка, тетя Ира, сестра отца, – уроженцы Вятской губернии, Галя – моя старшая сестра; Щекотов Георгий Семенович – мой тесть, а теперь вот и моя мама.

Алексей Васильевич Решетников в молодости

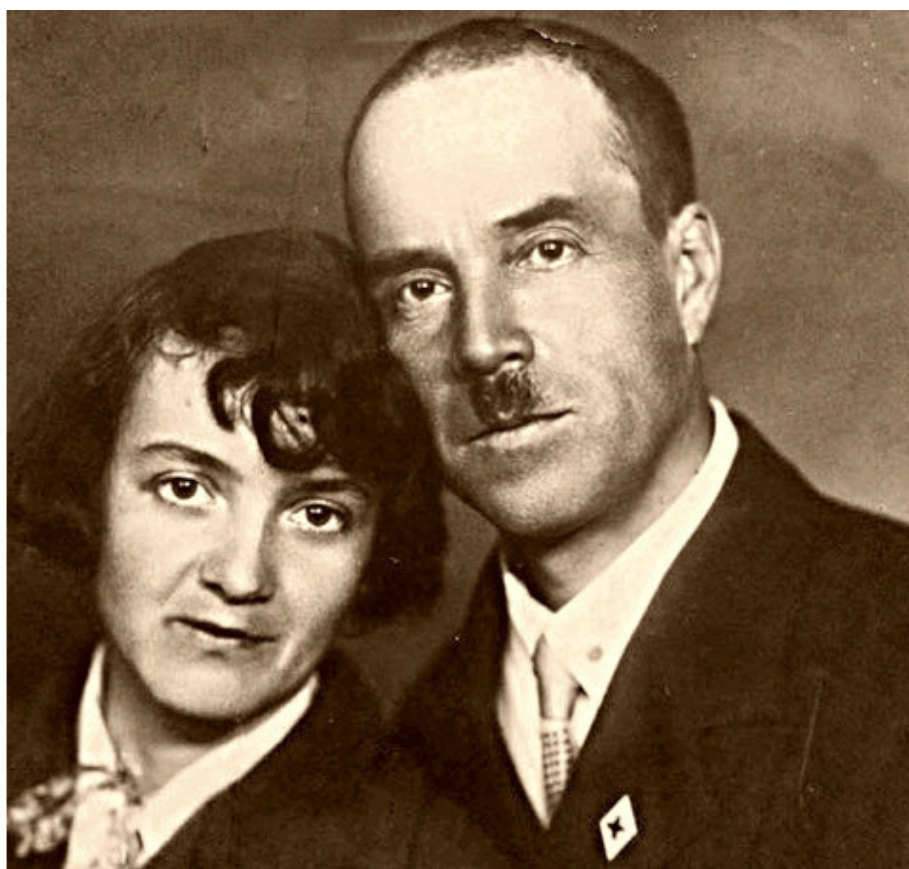
В сновидении дед смотрел на меня любя и ничего не говорил. Потом он меня позвал, и мы с ним отправились в путешествие. Пролетели мы над землей до места его захоронения в Свердловском районе, что недалеко от политехнического института, где я учился. Тогда, на полевых занятиях военной кафедры в семидесятые годы прошлого столетия, мы часто проходили через пустырь мимо могилы майора медицинской службы Решетникова А. В. – моего деда. Бывало всем взводом останавливались и, помолчав, шли дальше. Но сейчас дед вел меня над совсем незнакомой мне местностью. Пустыря уже не было, поскольку все вокруг было застроено домами. Рядом стояли разные гаражи, детские площадки, киоски, мелкие магазинчики. Все прилегающие к кладбищу территории серьезно и кардинально преобразились, наполнились жизнью.

Проснулся я внезапно с чувством тревоги. Я не был на могиле деда много лет. Двадцать с лишним лет я проработал на севере Иркутской области в Усть-Илимске. Командировки в Иркутск были краткосрочными, и для посещения могилы деда, каюсь, время не находил, нет мне в этом оправдания.

Утром посадил в машину жену Елену, свою уже не очень молодую маму (тогда она еще была жива) и мою дочь Олю. Мы поехали к деду. Дорогу я определял исключительно по тому маршруту из сновидения, иначе бы просто не нашел. Проехать незнакомыми ранее потайными тропами к уже почти забытому старому кладбищу было непросто, но мы добрались.

Была весна, пал или, другими словами, поджог сухой травы, вызвал шквальный огонь, который за один вчерашний день уничтожил все деревянное на территории погоста. Не сразу, но мы с мамой нашли могилу деда. В куче золы от деревянного памятника и насаждений я откопал табличку с соответствующей надписью о дате рождения и смерти. Просто чудо – табличка была в самом пекле, но не пострадала!

Если бы я не приехал сейчас, то потом найти могилу было бы практически невозможно.

Вера и Алексей Решетниковы в молодости

Своего деда Алексея Васильевича Решетникова, рожденного 17 марта 1892 г. в Слободском уезде Вятской губернии, я не застал на этом свете. Он умер 8 ноября 1952 года в возрасте 60 лет, а я родился 19 апреля 1954. По воспоминаниям моей бабушки Веры (1902—1990 гг. урожденной Фаворской) и моей мамы Надежды Решетниковой (урожденной Нетупской), я знаю, что Алексей Васильевич был образованным человеком. Он окончил с отличием Казанский университет, был умным, обаятельным и добрым. Эрудит, ходячая энциклопедия – так его называли во врачебно-санитарной службе Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД), где он проработал значительную часть своей жизни. За свою врачебную практику и добросовестный труд он был награжден орденом Ленина. По моему мнению, это просто немислимое достижение для простого врача.

По свидетельству о рождении мой дед был из крестьян, хотя в некрологе написано, что из портных. Его отец Василий Стефанович тоже родом из Вятской губернии. Мама моего деда Павла Васильевна Решетникова (урожденная Бульканова) проживала в Вятке. К сыну Алексею Васильевичу она иногда приезжала, чтобы погостить. Где похоронена Павла Васильевна я не знаю. Скорее всего, на своей родной Вятской земле. Там у нее были три дочери: Анна (13.10.1894 г.р.), Юлия (01.07.1897 г.р.), Таисия (19.09.1898 г.р.) и, наверное, много внуков.

Две сестры деда – Елизавета (14.10.1895 г.р.) и самая младшая, Клавдия (9.10.1909 г.р.), жили и работали в Иркутске (стиль дат старый). О том, что это были достойнейшие люди, говорят их правительственные награды, которые случайно оказались на хранении у моей мамы, очевидно от бабушки – В. С. Решетниковой.

Клавдия Васильевна Решетникова в последние годы своей трудовой деятельности работала главным инженером Сосновской геологоразведочной экспедиции – крупнейшей в реги-

оне. Одна из главных задач, стоящих перед Сосновской экспедицией, была разведка урановых месторождений.

Клавдия Васильевна Решетникова

Сбросив атомные бомбы на Японские мирные города Хиросиму и Нагасаки в 1945 году, безумные американские «ястребы» планировали уже нанести ядерные удары по СССР – первый в 1950 году тридцатью атомными бомбами по 20 городам, затем в 1957 – 133 атомными бомбами по 70 городам.

Для создания своей атомной бомбы СССР требовался уран, много урана. Стояла задача по разведке и добыче урановой руды для ее дальнейшей переработки в оружейный уран—235. Правительством СССР для противодействия атомной угрозе были созданы структуры под непосредственным руководством Лаврентия Павловича Берии – первого заместителя председателя Совета Министров СССР, ранее зловещего генерального секретаря Госбезопасности СССР. Одну из таких структур, позже названную Министерством среднего машиностроения, долгие годы потом возглавлял «атомный» министр Ефим Павлович Славский.

Для первого атомного реактора И. В. Курчатова требовалось 36 тонн урана, а добыча урана со всех рудников страны в 1945 году была около 14 тонн. Где брать уран?

На первых порах вырубил немецкий уран – около 100 тонн. Его нашли на тайных складах Германии, не успевшей использовать урановый концентрат по назначению. Этого хватило

на первый и частично второй, уже промышленный, реактор для наработки плутония – заряда для первой атомной бомбы. Остальную часть урана для второго реактора добыли по крохам на всех рудниках и старательских артелях, где только было возможно.

Известно 150 разновидностей минералов, содержащих уран. Геологам Сосновской экспедиции, образованной для реализации этих целей в 1947 году, предстояло найти такие месторождения с промышленными объемами залегания урановой руды. И геологи достойно справились с поставленной задачей – в 1950 году в стране уже было добыто 417 тонн урана. Усилиями геологов и промышленников была создана и 29 августа 1949 г. испытана первая советская атомная бомба, а уже в августе 1953 г. была испытана водородная бомба.

Дружная команда специалистов Сосновской экспедиции разведала промышленные залежи урана: Мраморного, Арамогутуйского, Дурулгуевского и других месторождений, попутно открыла ряд месторождений, например, Удоканское медное. Оно было разведано командой Анатолия Анатольевича Семихатова – отца моего друга детства Сергея Семихатова.

Меня переполняет чувство гордости, когда я думаю о том, что к созданию ядерного щита нашей Родины через Клавдию Васильевну причастна и наша семья – семья Решетниковых.

Об этих, приведенных выше, ранее засекреченных данных, я узнал из публикации ветерана Владимира Зенченко в сети интернет («Секретная экспедиция. Фрагменты истории урана до 1955 года». – от 22.02.2012 г.).

Елена Решетникова – дочь Клавдии

У Клавдии Васильевны была дочь – Лена Решетникова. С ней мы установили контакт. В замужестве она Махалина, живет в Москве. Я попросил ее написать мне о своих детях и внуках. Жду ответа.

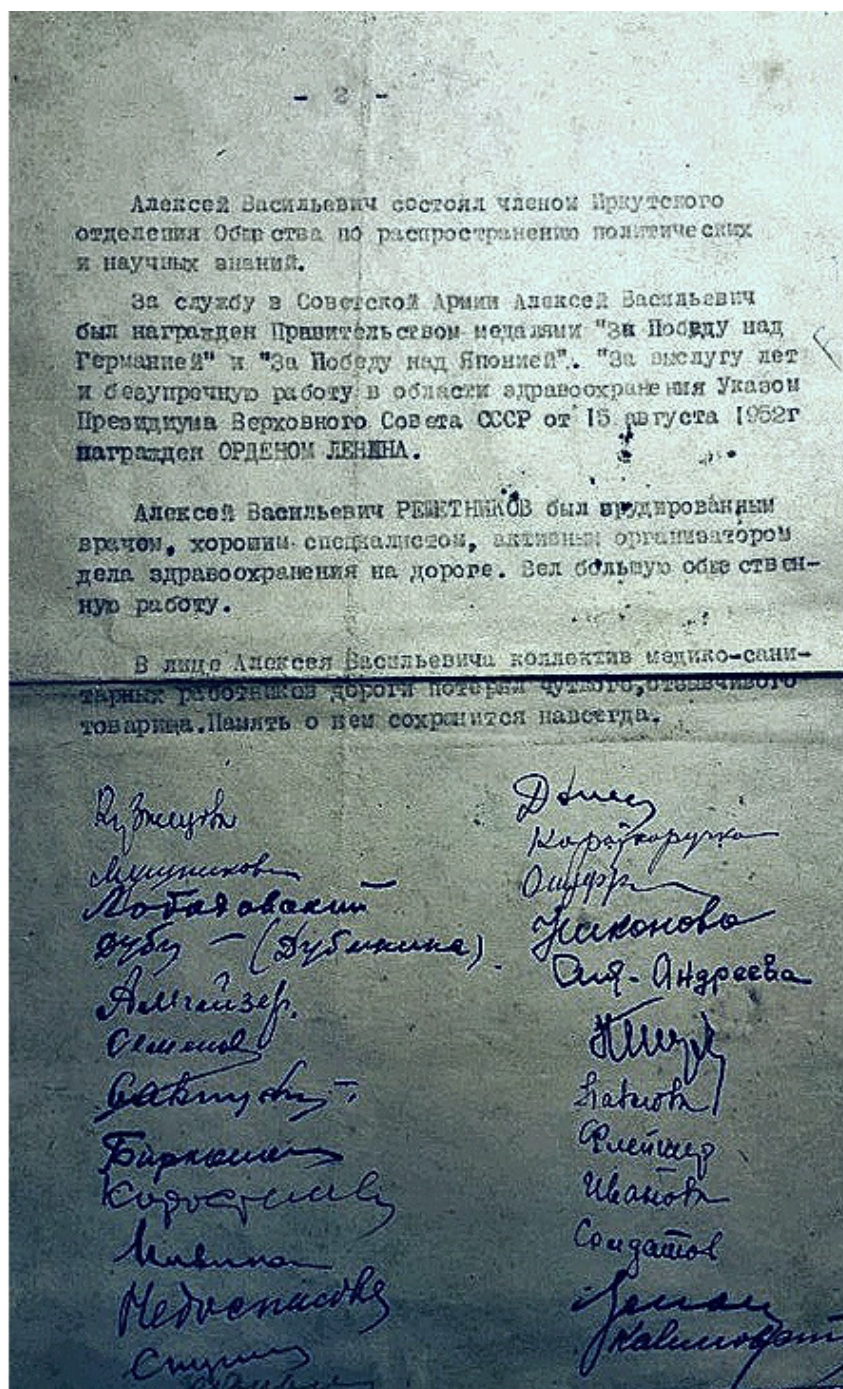
Елизавета Васильевна Решетникова

Про Елизавету мне почти ничего неизвестно.

Клавдия Васильевна (22.10.1909—24.02.1972) упокоилась на Радищевском кладбище города Иркутска, где похоронен мой папа (5.09.1924—20.06.1977), сестра Галя (9.02.1953—20.01.1986), бабушка Вера Сергеевна Решетникова (4.06.1902—5.08.90) с дочерью Ириной Алексеевной (13.01.1926—29.03.1991) – моей тетей, мама (19.01.1925—27.04.2016).

Вернусь к повествованию о моем деде. Его очень ценили и любили, поэтому его кончина была большой утратой для семьи, друзей и коллег. Умер Алексей Васильевич 8 ноября 1952 года. Вот текст сообщения о смерти Решетникова А. В.

Некролог, стр. 2

8 ноября 1952 года после непродолжительной, тяжелой болезни скончался Алексей Васильевич Решетников – старейший инспектор Врачебно-Санитарной службы Восточно-Сибирской железной дороги, член КПСС с 1941 года, секретарь парторганизации Врачебно-Санитарной службы.

А. В. Решетников родился в 1892 году в городе Слободском (бывшей Вятской губернии) в семье портного, имевшей одного сына и 12 дочерей (примечание: информация некорректная, так как по факту 7 детей мальчиков и девочек умерли маленькими, не дожив до взрослых лет. Алексей Васильевич был единственным и самым старшим мужчиной при пяти сестрах). Окончив начальное реальное училище в 1910 году, он поступил в Казанский Университет. Не имея поддержки со стороны родителей (отец умер в 1910 году, мать работала санитаркой в боль-

нице), Алексей Васильевич учился и жил на мизерную земскую стипендию и частично подрабатывал частными уроками. Окончив в 1916 году медицинский факультет, Алексей Васильевич начал свою трудовую жизнь с должности участкового врача в селе Сатаур Марийской автономной области; с 1919 года работал санитарным врачом в Кировской области, с 1 июля 1926 года поступил впервые на железнодорожный транспорт санитарным врачом ст. Свердловск Пермской ж. д., затем переводился на ст. Чита Забайкальской ж. д., где работал по специальности и доверенным врачом Дорпрофсожа.

С 1934 по 1941 год и с 1945 года до последних дней своей жизни Алексей Васильевич работал на Восточно-Сибирской железной дороге в г. Иркутске на руководящих должностях Врачебно-Санитарной службы.

В годы Отечественной войны в 1941—1945 гг. Алексей Васильевич служил в рядах Советской Армии начальником Санчасти погранотряда НКВД в г. Кяхта.

Алексей Васильевич был членом Иркутского отделения Общества по распространению политических и научных знаний.

За службу в Советской Армии Алексей Васильевич был награжден Правительственными наградами «За Победу над Германией» и «За Победу над Японией». За выслугу лет и безупречную работу в области здравоохранения Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 августа 1952 г. награжден ОРДЕНОМ ЛЕНИНА.

Алексей Васильевич РЕШЕТНИКОВ был эрудированным врачом, хорошим специалистом, активным организатором дела здравоохранения на железной дороге. Вел большую общественную работу. В лице Алексея Васильевича коллектив медико-санитарных работников дороги потерял чуткого, ответственного товарища. Память о нем сохранится навсегда.

Если мой дед Алексей Васильевич Решетников лечил физические недуги, занимался профилактикой инфекционных болезней, то мой прадед Фаворский Серапион Андреевич (отец бабушки Веры – мамы моего отца Алексея Алексеевича) врачевал души и был потомственным священнослужителем.

Серрапион Андреевич Фаворский

В лихие революционные годы, из-за защиты святой веры и церковных ценностей, он подвергался репрессиям, был арестован. Фотографий Серрапиона у меня нет, о его жизненном пути после ареста в 1918 году я узнал позже в процессе дальнейшего поиска. Знаю, что бабушка Вера не афишировала свое происхождение (в свидетельстве о ее смерти указано Вера Сергеевна). Служители церкви были тогда по идеологии коммунистов чуть ли не врагами народа. Над ее отцом при аресте издевались, били, истязали, что и явилось в последствии причиной его смерти 19 июня 1925 года. Но о его житие я узнал позже. На одном из вятских сайтов я нашел публикацию от 1967 года о контрреволюционном мятеже (а в действительности – попытке

защиты веры и имущества церкви), устроенном якобы отцом Серапионом. Позже немного расскажу о ее содержании.

Многих священнослужителей в те годы зверски убивали, а их родственники подвергались гонениям. Думаю, бабушка оберегала нас от возможных репрессий и преследования. Иначе вряд ли дед удостоился бы ордена Ленина, я никогда бы не стал первым секретарем Усть-Илимского горкома комсомола – сибирского города трех Всесоюзных ударных комсомольских строек.

Кажется, парадоксальным: потомственный православный священник Серапион и его правнук Сергей – комсомольский работник. Но меня волна атеизма не коснулась. Ритмы стройки, боевые будни Усть-Илима и производственные подвиги тех лет никогда не противопоставлялись православной вере, и если бы встал вопрос об отречении от предков, я, не раздумывая, послал бы большевиков твердо куда подальше.

Неслучайно в жизни мне три раза приходилось начинать с нуля: первый раз – из-за отказа от партийной работы при коммунизме, второй раз – из-за отказа подчиняться алчным советским чиновникам при занятии коммерцией на заре перестройки, и третий раз – за отказ поддержать подлость ублюдков из силовых структур уже в современной России. Подробнее об этом расскажу чуть позже. Из всех этих схваток я всегда выходил победителем, но на это уходило немало энергии.

Я люблю своих предков, мой характер – это их частичка. Свои поступки я всегда соизмерял с тем, что скажет об этом моя бабушка Вера и тетя Ира.

Ирина Алексеевна Решетникова всю свою жизнь посвятила лечению людей. Как высококлассный офтальмолог она помогла многим тысячам людей восстановить зрение. В коллективе железнодорожной больницы, где она долгое время заведовала глазным отделением, ее заслуженно уважали и любили. Когда тетя Ира пошла на пенсию, я пролистал ее трудовую книжку. Записей о перемене места работы минимум, в основном, повышения по службе. А вот благодарностей и поощрений море. Не хватило места для таких записей в стандартном объеме трудовой книжки, еще и вкладыш был полностью занят. Вот такой замечательный был человек.

Ирина Алексеевна Решетникова

Бабушка Вера и тетя Ира постоянно помогали моей маме в житейских делах и в воспитании детей материально и морально. В моем понимании это были святые люди. Они до самой смерти проживали вместе в Иркутске.

О моей маме и родственниках по материнской линии я могу говорить тоже только добрые слова в превосходной степени. О них напишу в другом разделе воспоминаний во второй и третьей книге «История моей семьи».

Быть любимым всеми своими родными и любить их всех – это дорогого стоит. И я благодарен им за возможность испытывать такое счастье на протяжении всей жизни.

Мой отец Алексей Алексеевич был вятским, родился в городе Малмыже ныне Кировской области. Был он очень умным человеком, выдающимся шахматистом города Иркутска.

Мои родители разошлись, когда я был еще маленьким. Но любовь к отцу я пронес через всю свою жизнь. Когда мы жили вместе, он массу времени уделял мне, много читал и занимался со мной теорией шахмат. Я в пятилетнем возрасте обыгрывал его друзей шахматистов-перво-разрядников. Вспоминается случай.

Пришел к нам в дом заядлый шахматист Михаил Макаров и попросил отца сыграть с ним партию. Отец в шутку говорит:

– Ты не дорос до моего уровня, обыграешь моего сына Сережу, тогда посмотрим, тогда и сыграем.

Михаил Макаров – слева, я, мама и папа во дворе нашего дома

Делать нечего, Михаил расставляет шахматы на доске, зовет меня, пятилетнего мальчика. Играет по отношению ко мне пренебрежительно и вскоре получает мат! Вторую партию играет уже напряженно, потеет, волнуется и совершает ошибки.

Получив второй мат, он уже не контролирует своего поведения, наступает что-то подобное истерике. Он срывает со своего пиджака значок перворазрядника по шахматам и бросает его в мусорное ведро. Забирает принесенную с собой бутылку водки, громко хлопает дверью и стремительно уходит прочь. Больше я его у нас не видел. Наверное, слишком велика была его обида.

Не мог он знать, что пятилетний Сережа, благодаря усилиям отца, почти в совершенстве изучил наследие чемпионов мира: Михаила Ивановича Чигорина, Александра Алексан-

дровича Алехина и ряда других великих шахматистов и был способен предвидеть развитие шахматной партии на много ходов вперед.

Ниже приведу статью из местной газеты «Байкальские вести», которую издает Владимир Матиенко, где о кипучей шахматной жизни Иркутска и о моем отце вспоминает другой видный шахматист И. Л. Копылевич.

Уголок шахматиста. «Вся жизнь – шахматы».

Выпуск №3 (620) 25 января 2016 года

Рубрику ведет Рамиль Мухометзянов

Продолжение. Начало в «БВ» №2.

Продолжаем знакомиться с воспоминаниями живущего ныне в Израиле иркутского шахматного ветерана Ильи Львовича Копылевича, записанными его сыном Борисом.

Шахматный турнир

– Всерьез заниматься шахматами я начал в возрасте 12 лет, – рассказывает Илья Львович. – Научил меня древней игре мой товарищ Юрий Петров, который хорошо играл и заметно выделялся среди мальчишек на улице Фридриха Энгельса. Он показал мне различные дебюты, продемонстрировал популярные эндшпильные окончания.

Свое шахматное восхождение Илья Копылевич начал еще в довоенную пору, став одним из призеров школьного первенства Иркутска 1940 года. Первым тогда был Георгий Килессо. А второе и третье места поделили Дантон Брикман и Илья Копылевич.

– 2 января 1941 года Юра Петров позвал меня во Дворец пионеров и школьников на шахматную олимпиаду города Иркутска. Придя туда, мы узнали, что желающих участвовать в олимпиаде набралось аж 156 человек, – вспоминает Илья Львович. – Среди них самыми известными были Анатолий Петров, в 12-летнем возрасте ставший чемпионом города среди

школьников, и будущий школьный чемпион области Володя Брытин, редактор шахматного отдела в молодежной газете «За здоровую смену».

Играли по олимпийской системе. Мне выпал номер 18, а первым соперником стал симпатичный парнишка Мяло, впоследствии директор Иркутской ГЭС. Я у него выиграл. Играли с часами, по 10 минут каждому из соперников на партию. Когда осталось 24 участника, нас разделили на две группы по 12 человек в каждой, и 3 января мы продолжили борьбу. В своей группе я занял шестое место и оказался последним, кто прошел в финал. В финале собрался цвет шахматной школьной публики. Я занял пятое место. Запомнилась блестящая игра Алексея Решетникова. Впервые появившись во Дворце пионеров и школьников, он уверенно занял первое место. Впоследствии мы с Леной вместе учились в Иркутском авиационном техникуме и неоднократно с переменным успехом встречались за шахматной доской.

Возвращаясь в 1941 год, важно отметить, что школьные шахматы были очень популярны в Иркутске. Заслуга в этом, прежде всего, была Всеволода Евгеньевича Чайковского, занимавшегося с ребятами во Дворце пионеров и школьников.

– Замечательный, интересный был человек, который не только занимался организацией шахматных соревнований, но и проводил с нами познавательные теоретические занятия, способствовавшие быстрому росту нашего шахматного мастерства, – вспоминает Илья Львович. – В марте 1941 года я победил в чемпионате Иркутска и одновременно выполнил норматив третьего спортивного разряда. В чемпионате области отличился Владимир Брытин, вскоре отправившийся на фронт и в 1944 году погибший в боях за Родину. Чайковский, Брытин, Колмаков и другие талантливые ребята сложили свои головы на полях сражений. Но шахматная жизнь не остановилась!

Борис Копылевич,

Анапа, специально для «Байкальских вестей».

Продолжение следует.

Персоналии

Брикман Дантон Израйлевич (1927—2002) – известный иркутский ученый-медик, активно занимался шахматами в школьные годы.

Брытин Владимир Михайлович (1922—1944) – лидер иркутских школьников довоенной поры, погиб в годы Великой Отечественной войны.

Килессо Георгий Тимофеевич (1922—2001) – сильный шахматист и талантливый организатор, многие годы являлся председателем областной шахматной секции.

Колмаков Владимир – один из призеров школьной шахматной олимпиады 1940 года, погиб на фронте.

Мяло Игорь Трофимович (1926) – участник Великой Отечественной войны, в течение 20 лет (с 1967 по 1987 год) являлся директором Иркутской ГЭС.

Петров Анатолий – Анатолий Тимофеевич Бондарь (1926—2009), игравший под псевдонимом «Петров». Чемпион области среди школьников 1939 года, участник Великой Отечественной войны, впоследствии стал мастером ФИДЕ.

Петров Юрий – данных нет.

Решетников Алексей Алексеевич (1924—1977) – один из сильнейших послевоенных шахматистов Иркутска. Несмотря на серьезное заболевание (с детства был глухим), добился выдающихся результатов, был прекрасным шахматным аналитиком. Чемпион города 1950 года, бронзовый призер чемпионата области 1951 года.

Мое примечание: Алексей Решетников не был глухим с детства. В годы Великой Отечественной войны он шестнадцатилетним подростком пришел работать на оборонное предприятие п/я 411 (сейчас это Иркутский авиационный завод): 6 октября 1941 года учеником сле-

саря, 2 января 1942 фрезеровщиком 3-го разряда, 2 января 1943 года фрезеровщиком 4-го разряда, далее фрезеровщиком 6-го разряда. Здесь, наверное, после перенесенного на ногах инфекционного заболевания скарлатины, он частично потерял слух и его перевели работать кладовщиком. Потом во взрослой жизни ему пришлось пользоваться слуховым аппаратом.

После войны он поступил в авиационный техникум.

Чайковский Всеволод Евгеньевич (1920—1944) – легендарный иркутский шахматист, двоюродный брат Константина Гайдука, внес огромный вклад в развитие шахмат в нашем регионе. Погиб на фронте.

Мне удалось отыскать и более раннюю публикацию о моем отце в газете «Восточно-Сибирский комсомолец» за 1934 год. Там описывается шахматный турнир, проходивший в октябре под комсомольской эгидой. Возраст участников соревнований был до 23 лет.

За столом президиума появляются члены оргкомитета турнира. Редактор «ВС Комсомолец» т. Шурыгин говорит о задачах турнира. О том, что этот турнир должен оживить шахматную работу на предприятиях, в вузах и школах, что он должен вызвать организацию там новых шахматно-шашечных кружков.

После выступления т. Шурыгина с приветствием к участникам турнира обратился секретарь Иркутского горкома ВЛКСМ т. Игнатов. Отмечая успех этого турнира, т. Игнатов заявил, что комсомольские организации на предприятиях и в вузах не уделяют еще должного внимания шахматам. Он обратился с призывом к участникам турнира о том, чтобы они у себя на местах, развертывая шахматную работу, заставили заниматься этим делом и комсомольских работников.

Представитель крайсовета физкультуры т. Гайдук сообщает правила турнира и объявляет порядок распределения премий. В 12 ч. 30 мин. по звонку белые на 76 досках делают первый ход.

Всего в первом туре участвовало 176 человек, среди которых 9 членов кандидатов партии и 29 комсомольцев. Небольшое количество комсомольцев-участников турнира лишний раз подчеркивает слова т. Игнатова о том, что комсомольские работники на местах еще недооценивают шахматы.

Из 176 участников турнира шахматную квалификацию имеют 44 человека. Остальные – новички, выступающие впервые в большом шахматном соревновании. Старшему из играющих – 23 года и самому младшему – школьнику Решетникову – всего 13 лет.

Мое примечание: Здесь я должен внести поправку. Алеше Решетникову тогда было всего 10 лет, он родился 5.09.1924.

6-го октября было сыграно 88 партий, из них только 2 вничью. Вничью сыграл 13-летний Решетников, который в середине партии, имея все шансы на выигрыш, сделал грубый зевок. Единственная девушка, участница турнира т. Жарикова в первом туре выиграла партию у т. Ушакова.

Такие вот интересные факты из истории.

Алеша Решетников слева в верхнем ряду, вместе с пацанами

Отец ушел из семьи, оставив нам квартиру и самое дорогое, что у него было – книги. Огромная библиотека шахматной литературы, которая собиралась двумя поколениями, так мне и не пригодилась. Я предпочел шахматам занятия подвижными спортивными играми и боевыми единоборствами.

Почти все свое свободное время в детстве я проводил на улице.

Улица «Железка» – мой родной двор

*Где ты, юность моя сумасбродная,
Пацанов залихватский крик...
Где ты, юность моя благородная, Возвратись же ко мне хоть
на миг!
Посидим мы с тобой на завалинке,
Посудачим о чем-то своем.
Даже, может быть, выпьем по маленькой, Перекурим и снова
нальем.
Вспомним случай в Центральном парке,
Мне его никогда не забыть...
День шольский был, солнечный, жаркий...
Эх, да что уж теперь говорить...
А еще, помню, как за околицей
Колотили залетных дельцов,
Называли нас «чертовой троицей».
Вспомним Женьку... Погиб на Покров...
И услышал я тихий, трепетный,
Тонкий голос гитарной струны —
Затянули свою колыбельную
Престарелые пацаны...*

Поэт Римма Соколова любезно подарила мне для этой книги замечательное стихотворение, которое я вынес в эпиграф.

Шестидесятые годы двадцатого столетия. На дворе социализм. Граждане Страны Советов строят коммунистическое общество, где «от каждого по труду, каждому по потребностям». СССР – мощная держава. У обычных людей, жителей города Иркутска, шла простая жизнь. В то время, когда взрослые трудились над выполнением планов пятилеток, во дворах росли пацаны, которым придется строить спустя годы уже совсем другое капиталистическое общество с рыночной экономикой. Не все смогли дожить до этого периода и стать «ударниками капиталистического труда».

Я же поведу свой рассказ о нашем воспитании, а оно зачастую проходило на улице. Улица закаляла и воспитывала, показывала примеры и антипримеры жизни, морали, поведения. Во многом, уже вне занятий в школе, там формировались взгляды, характеры.

Управление ВСЖД

В те далекие времена почти каждое утро начиналось с зычного зазывания молочницы: «Мо-ло-ко, мо-ло-ко».

Два огромных бидона со свежайшим молоком ожидали покупателей. Люди, еще сонные, бежали во двор, кто с бидонами, кто с банками. Молоко было всегда вкусным, мы любили молоко и, конечно, молочницу. Еще во двор часто заходил с переносной точильной установкой мастеровой мужик. Он кричал во всю глотку: «Ножи точу, топоры, ножницы». Женщины бежали, не у всех мужья вернулись с фронта, но, спасибо точильщику, все ножи были острыми. Потом все это куда-то безвозвратно исчезло.

Как-то утром, часов в пять или шесть, слышим от дома номер пять, что по улице Карла Маркса, мимо домов семьдесят один и шестьдесят семь, что по улице 5-й Армии – это наш двор Управления Восточно-Сибирской железной дороги – «железка», пролетает необычный звук: «Молоко-о-о-о».

Люди по сложившейся привычке потянулись во двор, но ни молока, ни молочницы не было. Это старшие пацаны Володя Веселов, Шурик Павловский и Костя Чижик так прикалывались, поочередно крича каждый из окна своей квартиры. Сговорились с вечера потешаться над местными жителями, а потом смотрели во двор и считали количество обдуренных граждан. Затем делились своими наблюдениями и вели счет «победам».

Было много и других приколов, пацаны развлекались как могли, как допускало то послевоенное время. Мы, мелкие, еще «салаги», с обожанием смотрели на наших старших товарищей, на их, казалось бы, безобидные шалости.

Драмтеатр

Первый урок хулиганства и мужества

Однажды Серега Мамонов с Витей Гороховым спрашивают, подначивая, меня, пятилетнего мальчишку: «А слабо тебе, Серый, задратся на улице на группу старших пацанов или ты забздишь получить по морде? В „железке“ живут самые смелые пацаны Иркутска, а ты какой будешь?»

Я говорю: «Пойдем, попробуем».

Выходим в проход между Управлением ВСЖД и домом номер пять напротив Драмтеатра. Начинается мой первый урок мужества и хулиганства. По центральной улице города, названной в честь основоположника большевистских идей Карла Маркса, идет группа человек восемь—десять старшеклассников.

Я вызывающей походкой пеликана подхожу с нахальным видом, перегораживаю пацанам дорогу и нагло прошу закурить.

На что старший из группы «оппонентов» так же дерзко и вполне справедливо парирует мою просьбу: «Тебе еще сиську сосать, недоросток, а не папиросы стрелять на улице!»

Все его друзья дружно и величественно ржут.

А за киоском «Союзпечати» прячутся наши дворовые пацаны.

Их ряды постоянно пополняются новыми бойцами-хулиганами. Уже подтянулись Володя Михин, Саша Григоров, Олег и Вася Кульковы, Саша Грабилин, Валя Смольков.

Другие пацаны играли в футбол на дворовой спортплощадке. Шурик Павловский комментировал матч, пародируя известного комментатора Николая Озерова. Его, Шурика, называли Метлой за умение находчиво и быстро говорить: «С мячом Толик Яворский, он делает передачу Валере Саранцеву, мяч подхватывает Женя Остробредов, удар... Вратарь Сергей Макеев отбивает, и Анатолий Шкилевич проводит контратаку. Мяч подхватывают братья Пушкины (Виктор, Володя, Коля и Сергей Васильевы их называли Пушкины за кудри), им пытаются противостоять Сергей Серазитдинов. Женя Метелкин получает мяч, делает пас. И... Юрий Павловский пробивает по воротам гостей... Вратарь Борис Власов прыгает... ГОЛ, ГОООООЛ, ГО-О-О-ОЛ».

Гена Тюхменев и Саша Духов по соседству резались в настольный теннис. Гена в будущем – боксер-тяжеловес, а Саша – великолепный теннисист.

Прозвучал клич: «Наших бьют».

Это заранее позаботились дворовые гонцы, все ребята побежали к нам на помощь. И вот уже они затаились и ждали развития событий, укрывшись за киоском.

Я, глядя в глаза сопернику, лихо сплюнул через губу и произнес какое-то грязное ругательство в адрес этих парней.

Мои процессуальные противники были ошарашены. От такой неслыханной наглости их покорежило: как так, они спокойно прогуливаются, никого не трогают, а тут какой-то шпанец, метр с кепкой ростом, начинает качать права.

Они вполне заслуженно очень сильно обиделись. «Надо проучить этого малолетнего выскочку,» – наверное, подумали ребята. «Сейчас будут бить,» – подумал я.

Стало страшновато только от одной такой мысли.

Их намерения без труда читались по их возмущенным лицам. От нахлынувшего негодования у старшего из парней задрожали губы. Двое, которые покрепче, стали демонстративно разминать свои кулаки. Другие издевательски улыбались, предчувствуя роскошную трепку малолетнему хулигану. Действительно, парни приготовились накостылять мне, видимо в целях привития уважения к старшим.

Кто-то из них выругался матом. Типа «фильтруй базар, молокосос» – это в литературном переводе.

И все они пошли на меня буром. Было страшно, но я не сдвинулся с места. Хоть противостоять ответной агрессии у меня не было ни сил, ни возможностей, но держать марку задиры я был обязан.

Я не видел нашей засады, но был уверен, что Мамон и Горох меня не оставят наедине с этими озверевшими парнями.

Дальше все происходило как в цирке.

Из-за киоска выходит Витя Горохов – высокий и широкоплечий боксер, которого шпана хорошо знала в Иркутске.

Он делает «предъяву» тем пацанам, «типа, зачем обижаете хорошего мальчика Сережу», и начинает драку. И тут вываливает уже вся наша команда.

Я увидел неподдельный ужас в глазах соперников. Они потеряли дар речи. Страх захватил все их сознание. От одного вида нашей дружной команды они были деморализованы.

В результате инстинкт самосохранения взял верх. «Обидчики» хорошего мальчика Сережи обратились в бегство. Наши свистели и улюлюкали убегающим вслед.

Мы победили. Но эти оценки я делал уже позже, на основе своих детских впечатлений, а тогда я всей опасности не осознавал.

Сергея Мамонов, один из зачинщиков, многозначительно, подводя итог состязанию, произнес:

«Мерседес бенц, алимундро чичико. Мамацы клецки. Буэнос-Айрес бесамомуча».

Что это значило, мы не понимали, но всем было весело.

Мне дали курнуть папиросу «Север».

– Фу, какая гадость, – сказал я.

Пацаны смеялись и хвалили меня, типа боец, здорово залупался, молодец. А я гордился, что уже стал «большим» и уважаемым среди старших пацанов.

Большинство наших старших парней прошли школу «отсидки» и продолжали культивировать не очень дружелюбное отношение к закону. Была такая, как бы, тюремная, уголовная романтика.

А уже подрастало новое поколение: Сережа Павловский, Витя Пылаев, Володя Брянцев, Валя Жаббаров, Витя Пичуев, Вася Чепцов, Сережа Косяков, Саша Руденко, братья Улановы, Саша Трапезников, Толик Привалов, Боря и Саша Финкельштейн, Толик и Саша Серебренниковы, Олег Серазитдинов, братья Комаровы и другие.

Но не только мальчишки были в нашем окружении. Девчонки железнодорожного двора были просто красавицами, от старших до младших: Наташа Хвойко, Галя Макеева, Наташа Пылаева, Ира Смолькова, Галя Хитрова, Света Хохлова, Таня Липова и другие.

Они хоть и не ввязывались в наши пацанские дела, но были настоящим украшением компании. Однако воспоминания того периода больше связаны с хулиганистыми мальчишками нашего послевоенного поколения.

Пацаны, которые были поменьше, подражая старшим, пытались вести себя вызывающе в школе, во дворе, на улице. Вспоминается случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.